

пометой, с отсылкой к производящему слову и в заглавной части словаря? Слова, фиксируемые только Словарем Н. Яновского, вопреки намерению авторов не включать их в словник (стр. 84), спорадически попадают в него (*металлургия* и *космолог* на стр. 145, 157). Единство сетки описания в словнике не выдержано: набор сведений об одном слове нередко оказывается намного шире, чем о другом, для некоторых же слов хронологизация совсем отсутствует. Неудобен для читателя вынос условных обозначений в лексикологическую часть: за их расшифровкой приходится обращаться к разным страницам (стр. 94, 95, 97, 101), равно как и отсутствие алфавитного расположения для списков слов в IV главе (например, стр. 290—291). Имеются в книге и повторения (ср. стр. 85, 255 и др.). Недочетов, однако, не так уж много.

Отмеченные недостатки никак не умаляют несомненных достоинств рецензируемого исследования. Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что в будущем ни одна работа об истории заимствований в русском языке — будь то новое исследование, учебник или популярная брошюра — не сможет быть создана без обращения к этому капитальному труду. Если сформулировать главное, что дает он будущему исследователю, то это точка отсчета для прослеживания исторических

судеб основной массы новых западноевропейских слов в русском языке, которая представлена здесь столь определенно и полно.

В заключение несколько слов о плодотворности историко-лексикологических исследований, осуществляемых силами словарных коллективов Академии наук СССР. Служившие некогда исключительно только прямому своему назначению — созданию словарей и грамматик, академические картотеки ныне превращаются в базу лингвистического исследования в масштабах всей страны. Не случайно в выходящих трудах и в диссертациях все чаще можно встретить сокращения: ДРС, СДР, Карт. XVIII в. Роль этих картотек повышается благодаря постоянному их пополнению, растущему объему. А поскольку выходящие в свет словари не могут учесть их богатств в полном объеме, картотеки приобретают самодовлеющее значение для изучения русского языка.

Создаваемые на базе таких картотек исследования, помимо самостоятельного научного значения, получают тем самым и дополнительное — надежных и подробных путеводителей по академическим картотекам. И в этом смысле значение вышедшей книги также бесспорно.

И. А. Василевская

Йиржи Иирачек. Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке (структурно-сопоставительное исследование). — Universita J. E. Purkyně, Brno, 1971. 281 стр.

Во «Введении» рецензируемого труда автор справедливо отмечает, что проблемой существительных с интернациональными суффиксами, функционирующих в русском языке, в полном объеме никто еще не занимался (стр. 7).

В работе исследуются все русифицированные интернациональные суффиксы существительных (стр. 8), т. е. те, которые проявили в той или иной степени словообразовательную активность на русской почве, давши образования от русских основ. Это следующие морфемы: *-изатор* (*эровизатор*), *-(у)фикатор* (*русификатор*), *-ёр* (*шумёр*), *-ист* (*связист*), *-изм* (*хвостизм*), *-ит* (*солонит*), *-аж* (*листаж*), *-изация*, *e(u)фикация*, *-анция*, *-енция* (орфографически слова на *-изация*, *-(у)фикация*, *-анция*, *-енция*, ср. *советизация*, *русификация*, *распеканция*, *штукенция*) (стр. 8). Исключаются из описания слова с формантами *-ик* (*подагрик*), *-ант* (*музыкант*), *-ент* (*ассистент*), поскольку они не встречаются в сочетании с русскими основами и, следовательно, к ним не приложимо понятие словообразую-

щих морфем на почве русского языка. Этим определяется позиция автора относительно объекта исследования — изучаются только существительные с интернациональными суффиксами, обладающими словообразовательной самостоятельностью в русском языке.

Определив таким образом объект исследования, Й. Иирачек анализирует и описывает указанные существительные в разных аспектах, не исключая из сферы внимания теоретические проблемы словообразования и общие вопросы заимствования.

Перечень разделов книги достаточно полно раскрывает содержательную направленность исследования. В «Общей части» (стр. 15—30) автор раскрывает методические предпосылки работы и определяет понятия «интернациональные слова», «интернациональный суффикс», различая при этом понятия «заимствованный суффикс», «иноязычный суффикс» и положив в основу определений свое понимание суффикса и мотивационных отношений. В этом же разделе книги освеще-

щается этимология изучаемых формантов и дается типологическая характеристика индоевропейских (славянских и неславянских) и неиндоевропейских языков относительно распространенности существительных с интернациональными суффиксами.

«Специальная часть» (стр. 35—118) составляет ядро монографии. В ней представлено разноаспектное исследование и описание существительных с интернациональными суффиксами в современном русском языке в следующих разделах: «Способы обогащения словарного состава исследуемыми словами» (стр. 35—41), «Словообразовательный анализ существительных с интернациональными суффиксами в современном русском языке» (стр. 41—50), «Существительные с интернациональными суффиксами — словообразовательная база в современном русском языке» (стр. 51—66), «Акцентуация» (стр. 67—72), «Структурно-семантическая классификация» (стр. 73—111).

Среди способов пополнения словарного состава словами с интернациональными формантами — наряду с заимствованиями, калькированием и так называемым семантическим образованием — рассматриваются способы собственно словообразования от иноязычных и от русских основ, а также сложносуффиксальный способ словообразования. В качестве примеров образования на русской почве от иноязычных основ указываются такие слова, как *акмеизм*, *акмеист*, *планеризм*, *активист*, *аквапланист*, *бульдозерист*, *грейдерист*, *дерриксист*, *волейболист*, *спиннингист* и др. (стр. 37); отмечается довольно раннее появление образований с интернациональными суффиксами от русских основ, число которых с течением времени увеличивается — *отзовист*, *уклонизм* и *уклонист*, *хвостизм* и *хвостист*, *большевизм*, *меньшевизм*, *значист*, *службист* и др. К образованиям сложносуффиксальным способом отнесены единичные композиты — *белобандит* (*белая банда*), *малоформист* (*малая форма*), *третьинтернационалист* (*Третий интернационал*).

Раздел, посвященный словообразовательному анализу изучаемых существительных, автор начинает с замечаний общего характера, раскрывающих его понимание словообразовательного анализа, основанное на противопоставлении его анализу морфологическому. В основу словообразовательного анализа, по мнению автора, следует положить принцип бинарности: «анализ словообразовательный выделяет в слове лишь два члена (невзирая на количество морфем), которые связаны определенными структурно-семантическими отношениями, а именно словообразовательную основу и словообразовательный формант» (стр. 41). Деривационная модель, пишет далее автор, по своей сущности бинарна. Возможность

бинарных сопоставлений опирается на представление о «непосредственной мотивировке». Так, слова *четвертьфиналист*, *учительство* непосредственно опираются на *четвертьфинал*, *учитель*, хотя формально и семантически связаны со словами *финал* и *учить*. Фактический материал в разделе анализируется с точки зрения лексико-грамматического характера и морфонологического строения основ, с одной стороны, и морфонологических явлений, возникающих на морфемных швах, — с другой. Автором используются понятия интерфиксов и «связанной основы».

Большой и детально разобранный материал содержит следующий раздел монографии, посвященный рассмотрению существительных с интернациональными суффиксами в качестве словообразовательной базы в современном русском языке. Автором устанавливается, что от существительных с интернациональными суффиксами «вторичные наименования» образуются посредством суффиксации, например, существительные *рафинёр* — *рафинёрщик*, *бандит* — *бандитство*, прилагательные *акклиматизация* — *акклиматизационный*, *кварцит* — *кварцитовый*; ресуффиксации: *абсолютизм*, *абсолютист* — *абсолютистский*, *идеализм*, *идеалист* — *идеалистский*; префиксации и квазипрефиксации: *антифашизм*, *иррационализм*, *неореализм*; словосложения: *самоmassage*, *светосигнализация*, а также сложносуффиксальным путем: *частный капитал* — *частнокапиталистический* и путем сокращения (так называемые сложносокращенные слова): *армвоньюрист*, *госарбитраж*. Особое внимание уделяет автор взаимодействию близких по значению суффиксов *-истическ-*, *-истск-* и *-истичн-*, наблюдая и описывая их формальное и семантическое размежевание (*иллюзионистическая философия* — *иллюзионистская группа*, *комический сюжет* — *комичный вид*), указываются также случаи параллельного образования (*натуралистический* — *натуралистичный* — *натуралистский*).

Ударение у существительных с интернациональными суффиксами подробно описано в разделе «Акцентуация». Проведены достаточно обширные сравнения лексикографических источников, отразивших колебания в ударении у некоторых типов изучаемых существительных, например, у существительных на *-аж*, для которых указано на тенденцию к постепенному переходу от постоянного ударения на основе к ударению конечному.

Классификационным критерием структурно-семантической классификации существительных с интернациональными суффиксами автор считает характер ономастологической структуры, выделяя в области производных существительных ряд ономастологических категорий — мутационного типа (имена носителя актив-

ного воздействия на предмет), трансформационного (имена действия) и модификационного (имена собирательные). Основной единицей описания являются словообразовательные категории, более детальные классификационные рубрики строятся на основе общности словообразовательного форманта. В соответствии с принятыми классификационными признаками автор выделяет и описывает группы имен со значением производителя действия, носителя активного воздействия на предмет, орудия действия, результата действия, носителя отношения к субстанции, а также имена действия и имена качества. Описание выделенных групп производится в рамках единого, достаточно последовательно выдержанного плана. Внутри групп существительные подразделяются по общности словообразовательного форманта с указанием мотивационных связей с разными по семантическим и лексико-грамматическим характеристикам словами (глаголами, существительными собственными и нарицательными, прилагательными). Большое внимание уделяется тонкой семантической детализации производных имен.

В связи с методом описания существительных по структурно-семантическим признакам уместно сказать еще об одном аспекте в исследовании. Вся монография построена на очень широких, впервые выполненных сопоставлениях русского и чешского материала. Эти сопоставления в виде цифровых и процентных сравнений, таблиц и схем находим почти на каждой странице книги. При структурно-семантической классификации существительных с интернациональными суффиксами такие сопоставления дают материал для общих и содержательных выводов о сходстве и различиях в словообразовательных системах русского и чешского языков, но, к сожалению, эти выводы автор делает не всегда. По-видимому, в дальнейшей работе углубление этой стороны проблемы могло бы принести выразительные результаты.

Проблема продуктивности, понимание которой в общем не выходит за рамки общепринятых представлений, решается автором на большом материале сравнений главным образом лексикографических данных раннего (30—40-е годы нашего века) и более позднего (70-е годы) времени. Наблюдения над увеличением неологизмов (и здесь в сопоставлении с чешским материалом) ведутся дифференцированно в семантическом отношении.

Книгу завершают «Заключение», «Изыбранная библиография», перечисление использованных словарей и список источников, резюме на чешском и английском языках, предметный указатель, указатель слов и список сокращений. Из одного перечисления видно, что справочный аппарат содержит необходимую информацию, облегчающую пользование книгой.

Особенно полезны предметный указатель и указатель слов, тщательная разработка которых может послужить образцом для подобных изданий.

Своеобразие слов с интернациональными суффиксами, будь то имена или глаголы, состоит в том, что несмотря на их морфологическую членимость, на принципиальную возможность соединения вычленяемых формантов с русскими основами, в словообразовательном отношении они не тождественны производным с исконными морфемами.

Как известно, единство словообразовательной модели в русском языке строится на тождестве лексико-грамматических характеристик производящих единиц. Производящие единицы одной и той же модели принадлежат к одной и той же части речи и характеризуются одними и теми же внутрикатегориальными свойствами (вид и залог при отглагольном словообразовании, одушевленность/неодушевленность, качественность/относительность при отыменном и т. д.). Эти признаки словообразовательной модели относятся к системным, так как определяют закономерности ее функционирования. Как следствие этого явления — или как его оборотная сторона — исконные словообразовательные морфемы обладают свойством избирательности относительно категориальных характеристик производящих единиц. Как бы ни были широки связи той или иной словообразующей морфемы, эти связи всегда могут быть определены в своих границах относительно категориальных характеристик производящих. Если по этим двум признакам (полнота категориальных характеристик производящих и избирательность словообразующих морфем относительно этих характеристик) сопоставим морфологические структуры с интернациональными формантами с явлениями исконного словообразования, то различия их станут очевидными.

Наблюдения над материалом показывают, что сочетаемость интернациональных формантов с иноязычными основами не может быть описана в каких-либо ограничениях, налагаемых категориальными характеристиками последних. В принципе для русского языкового сознания безразличны, например, такие факты, что формант *-ист* оказывается присоединенным к сложной основе в слове *футболист* (англ. *football*), к простой — в слове *италист* (нем. *Stärke*), к основе прилагательного в слове *футурист* (лат. *futurum*), к основе местоимения — в слове *эгоист* (лат. *ego*) и т. д. И это понятно: категориальная принадлежность иноязычной основы не может осознаваться на почве русского языка, она устанавливается путем специальных изысканий, не имеющих отношения к непосредственному употреблению и пониманию слова. Принципиальная возможность не осознавать

«категориальную принадлежность «основ» равна по сути дела их категориальной невыраженности на русской почве. Естественно поэтому, что интернациональные форманты лишены свойств избирательности относительно категориальных характеристик производящих. Этот признак сохраняется за ними и в тех случаях, когда они сочетаются с русскими основами, которые при этом не группируются по категориальным свойствам (ср. *связист, значкист, ручник, отзовист* и под.).

В рецензируемой монографии существительные с интернациональными суффиксами изучаются в плане сходства с

исконным словообразованием. Изучение их в аспекте различий не получило развития. Но, по-видимому, в интересах всестороннего решения проблемы и этот аспект подлежит рассмотрению. Он мог бы способствовать расширению сложившихся представлений о словообразовании и обогащению теории в этой области языкознания.

Большой и тщательно описанный материал монографии И. Йирачека «Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке» принесет несомненную пользу в дальнейшей разработке проблемы.

В. Н. Хохлачева

А. В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. — Л., изд-во «Наука», 1971. 115 стр.

Проблема грамматической категории — одна из центральных проблем теоретической грамматики. Поэтому понятен тот интерес, который вызвала в кругах языковедов книга А. В. Бондарко, вышедшая в серии «Вопросы теории языкознания», издаваемой Научным Советом по теории советского языкознания при Отделении литературы и языка АН СССР. В последние годы внимание лингвистов вновь обращается к вопросам семантики не только в области лексики, но и в грамматике. Исходным принципом рецензируемой книги является принцип «от значения к форме».

Рецензируемая книга содержит, кроме предисловия и краткого заключения, две главы: «Функционально-семантические категории» (стр. 5—75) и «Общие и частные значения грамматических форм» (стр. 76—113). Тем самым проводится принцип «от общего к частному»: книга начинается с постановки более общих вопросов, выходящих за пределы грамматики, на что указывается и в заключении (стр. 113).

В первой главе излагается теория функционально-семантического поля, которая в целом представляется убедительной, так как открывает перед лингвистами различные пути всестороннего описания языка и показа его как ряда взаимосвязанных субсистем. Можно полностью согласиться с автором, что поля могут быть исследованы не только при синхронном подходе, но и в плане диахронии. Очень полезной может оказаться теория полей при сопоставительном изучении языков, которое в конечном итоге должно привести к системе универсалий.

Основные принципы теории функционально-семантических полей сводятся к следующему. Функционально-семантическое поле не относится к какому-либо

одному уровню языка: в его построении участвуют средства разных уровней, обладающие общими инвариантными семантическими признаками. Несомненный интерес представляет мысль о соотносительности значений, выражаемых грамматическими и лексическими средствами, а также положение о правомерности выделения полей только при наличии разнородных средств. Само поле, по мнению автора, отличается сложной структурой: в поле выделяется ядро — центр, вокруг которого располагается периферия. В качестве ядра выступает обычно морфологическая категория, свойства которой определяют эту роль. В морфологической категории, представляющей собой организованную структуру и характеризующейся свойством обязательности, инвариантное содержание поля находит наиболее «специализированное» выражение. Компонентами морфологической категории являются ряды грамматических форм — граммы; морфологическая категория и граммма находятся в иерархических отношениях. Новой представляется идея фона и спецификаторов (стр. 68—72). Фон — это тот элемент микрополя, который обуславливает его семантическую основу. Он может быть общим для нескольких микрополей. Спецификатор отличает данное микрополе от других микрополей с той же семантической основой. Различие этих понятий позволяет полнее описать строение некоторых полей, в частности поля темпоральности.

Внимание читателя безусловно привлечет раздел об использовании морфологических категорий в несобственных функциях (стр. 62 и сл.). Широко представленное в русском языке, как, впрочем, во многих других, явление транспозиции форм истолковано интересно и